PG3467
.N2
Z89

VOSPOMINANIIA O S. IA. NADSONIE

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

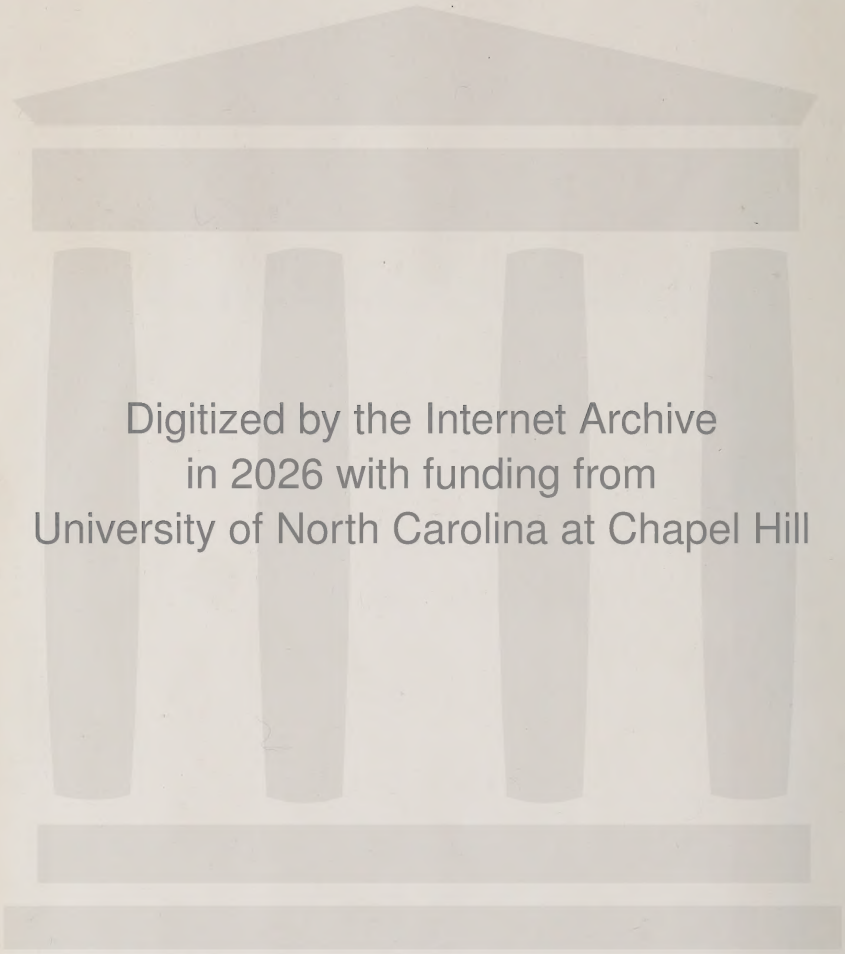
ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3467
.N2
Z89

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00023752164

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/vospominaniaosia00ross

9n/77

М. А. Россійская-Кожевникова.

ВОСПОМИНАНІЯ
О
С. Я. НАДСОНѢ.

Къ 25-лѣтію со дня кончины.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1912.

PG3467
.N2
Z89

М. А. Россійская-Кожевникова.

VOSPOMINANIIA O S. IA. NADSONIE

ВОСПОМИНАНІЯ

о

С. Я. НАДСОНѢ.

Къ 25-лѣтію со дня кончины.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1912.

Воспоминанія о С. Я. Надсонѣ.

Къ 25-лѣтію со дня кончины.

Среди людей, которыхъ мнѣ пришлось встрѣтить въ жизни, рѣзко выдѣляются два обаятельно прекрасныхъ образа, двое юношей необыкновенной душевной чистоты и красоты, духовной и физической. Я счастлива, что знала ихъ въ своей юности, но знакомство съ ними доставило мнѣ и много горя—оба такъ рано, такъ трагично погибли. Я говорю о Гаршинѣ и Надсонѣ. Въ этихъ строкахъ я разскажу о своемъ знакомствѣ съ Надсономъ.

Въ 1880 году я, будучи слушательницей второго курса физико-математическаго отдѣленія Бестужевскихъ курсовъ, жила съ подругой въ Петербургѣ, занимая комнату. Мой покойный братъ, Михаилъ Александровичъ Россійскій, поступилъ въ этомъ году юнкеромъ въ Павловское училище. Еще будучи кадетомъ Орловскаго корпуса, Миша началъ писать стихи, и, вѣроятно, это обстоятельство послужило причиной сближенія его съ Надсономъ, его товарищемъ по училищу. Между обоими начинающими поэтами завязалась самая нѣжная дружба. Они даже пробовали вмѣстѣ переводить стихи; въ тетради Мишиныхъ стиховъ, сохранившейся у меня, находятся 3 стихотворенія 1880 года съ отмѣткой: „переведено вмѣстѣ съ Надсономъ“. Одно изъ нихъ, переводъ изъ Гейне, „Мои окрыленныя пѣсни“, помѣщено въ собраніи стихотвореній Надсона въ отдѣлѣ „Посмертныя стихотворенія“ на стр. 150. Второго, тоже изъ Гейне, нѣтъ у Надсона, я его привожу:

Изъ Гейне.

Я хотѣлъ бы, чтобъ чуткое сердце мое
Поселилось въ лилеѣ душистой,
Чтобъ оттуда, мой маленькій другъ, о тебѣ
Зазвенѣлъ бы сонетъ серебристый,

Чтобы звуки дрожали и млѣли бы въ немъ,
Какъ дрожали и млѣли лобзанья,—
Тѣ лобзанья, что ты мнѣ стыдливо дала
Въ золотыя минуты свиданья.

Изъ третьяго стихотворенія (переводъ изъ Боденштедта) напечатано въ сочиненіяхъ Надсона, въ томъ же отдѣлѣ „Посмертныхъ стихотвореній“ (стр. 153), только 2 строфы. Въ тетради брата стихотвореніе имѣетъ такой видъ:

Изъ Боденштедта.

(Изъ „Пѣсенъ Мирзы-Шаффи“.)

Ни ангеловъ, сіяющихъ въ лазурныхъ небесахъ,
Ни розъ, благоухающихъ въ задумчивыхъ садахъ,
Ни нѣги ослѣпительныхъ полуденныхъ лучей
Я не сравню съ Зюлейкою, красавицей моей.

Чуждъ непорочныхъ ангеловъ недугъ любви земной,
Въ садахъ безъ острыхъ терніевъ нѣтъ розы ни одной [1])
И даже солнце къ вечеру смиряетъ блескъ лучей,—
Нѣтъ! ихъ не приравняю я къ красавицѣ моей!

Всѣ наслажденья райскія въ очахъ ея лежатъ,
Ея лобзанья знойныя и нѣжатъ, и томятъ,
Міръ меркнетъ, міръ теряется предъ этой красотой,
И, если ужъ сравнить ее, то только съ ней самой!

И Надсонъ и Миша въ этотъ годъ очень увлекались Гейне и много переводили изъ него. Въ 1881 г. для обоихъ случилось важное событіе: они познакомились съ извѣстнымъ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ. Съ какимъ восторгомъ разсказывалъ мнѣ Миша о ласковомъ пріемѣ Плещеева, о томъ, что онъ нашелъ у Миши талантъ (талантъ Надсона былъ уже внѣ сомнѣній), совѣтовалъ писать, работать. Надсонъ и Миша проводили чудные вечера у добраго, полюбившаго ихъ „дѣдушки“, какъ они называли Плещеева. Ободренный Плещеевымъ, Миша тоже началъ печатать свои стихи, и, если я не ошибаюсь, первое его напечатанное стихотвореніе было: „Родинѣ“ (*Вѣстникъ Европы* 1880 г., № 12). Вмѣстѣ съ Надсономъ, а можетъ быть, подъ его вліяніемъ, Миша въ то время тяготился военной службой.

Я знала уже давно Надсона по Мишинымъ разсказамъ, когда въ зиму 81—82 г. однажды вечеромъ братъ пришелъ ко мнѣ съ худенькимъ болѣзненнымъ юнкеромъ. Я сейчасъ же догадалась, что это—Надсонъ; надо думать, что и онъ зналъ меня по разсказамъ брата, и въ первый же вечеръ мы почувствовали себя какъ давно знакомые. Съ перваго взгляда я почувствовала большую симпатію къ юному поэту, которая росла съ каждымъ свиданіемъ и перешла въ горячую дружескую привязанность. Первый вечеръ нашего знакомства прошелъ въ оживленной и веселой болтовнѣ; подъ конецъ Надсонъ согласился про-

---

[1]) У Надсона:

И гаситъ солнце къ вечеру огонь своихъ лучей,—
Нѣтъ, къ нимъ не приравняю я красавицы моей...

честь свои стихи. Мы съ Мишей притихли; Надсонъ прочелъ нѣсколько стихотвореній, но съ особеннымъ чувствомъ: „Другъ мой, братъ мой“... Читалъ онъ очень просто, безъ всякаго паѳоса, и его чтеніе произвело на меня большое впечатлѣніе. Вечеръ прошелъ быстро, юнкерамъ пора было итти въ училище.

Несмотря на обоюдное желаніе видѣться, Надсонъ приходилъ ко мнѣ рѣдко, вслѣдствіе своего слабаго здоровья, далекаго разстоянія и разныхъ другихъ причинъ. А затѣмъ онъ „вышелъ въ офицеры“ и переѣхалъ въ Кронштадтъ. Братъ мой перешелъ въ артиллерійское училище, полюбилъ военное дѣло и пересталъ придавать значеніе своимъ поэтическимъ способностямъ, хотя продолжалъ и писать, и печатать въ разныхъ журналахъ („Всей душой ты жадно рвешься къ свѣту“, *Отечественныя Записки* 82 г., № 11; „Черный день“ (изъ Роберта Прутца), *Изящная Литература* 83 г., апрѣль; „Le petit Turco“ (изъ Chants du soldat Поля Деруледа), *Отечественныя Записки* 83 г., февраль; „Жаль мнѣ себя“, *Еженедѣльное Обозрѣніе* 84 г., октябрь; „Весной“, тамъ же, № 23 и друг.).

Изъ временъ юнкерской жизни Надсона и Миши у меня сохранился экспромтъ Надсона, написанный его рукою на четвертушкѣ сѣрой бумаги изъ кухни, гдѣ онъ былъ дежурнымъ, моему брату и отвѣтъ брата, написанный на обратной сторонѣ той же четвертушки:

Посланіе къ Россійскому.

Изъ глубины моихъ владѣній,
Изъ царства булокъ и котлетъ
Мой робкій, мой смущенный геній,
Фельдфебель, шлетъ тебѣ привѣтъ!...

Фельдфебель, гдѣ ты? Я страдаю,
Сойди какъ солнце въ мой Аидъ
И станетъ онъ подобенъ раю,
И Ангелъ смѣнитъ Эвменидъ!...

Приди!... Любви и дружбы рана
Съ тобой въ разлукѣ такъ жива,—
И я велю Левіафана
Тебѣ подать для торжества!...

Посланіе къ Надсону.

Я съ горестью узналъ, что вы, по волѣ рока,
Похищены съ Олимповыхъ высотъ
И сосланы теперь—увы!—далеко,
На кухню, гдѣ царитъ и властвуетъ Фаготъ [1]).

Ахъ! есть ли тамъ, въ странѣ котлетъ и булокъ,
Для вашей музы, чистой какъ цвѣтокъ,
Хотя одинъ негрязный закоулокъ,
Хотя одинъ укромный уголокъ?

Коль есть,—тогда приду—и лучезарнымъ свѣтомъ
Я озарю вашъ Аидъ, о, поэтъ!
А до тѣхъ поръ—нельзя ли за обѣдомъ
Прислать одну изъ лишнихъ мнѣ котлетъ?!.

Россійскій.

---

[1]) Повидимому, прозвище повара.

Я не встрѣчалась съ Надсономъ до похоронъ Тургенева. На похоронахъ Тургенева я, съ группой своихъ земляковъ, несла вѣнокъ отъ г. Орла, какъ орловская уроженка. На обратномъ пути отъ кладбища ко мнѣ подошелъ офицеръ, котораго по близорукости я не сразу узнала, и очень обрадовалась, когда это оказался Надсонъ. Надсонъ измѣнился, сталъ непринужденнѣе, мужественнѣе, красивѣе; мы съ нимъ долго шли, оживленно разговаривая, чувствуя, что разлука не уничтожила взаимной симпатіи. Но, несмотря на обоюдное желаніе, видѣться намъ долго не пришлось: Надсонъ рѣдко пріѣзжалъ изъ Кронштадта, а я какъ-то туда не собралась, — и Надсонъ уѣхалъ за границу. Но какъ только онъ вернулся изъ-за границы и поселился въ Петербургѣ, въ Кузнечномъ пер., я пришла къ нему и бывала у него часто до его отъѣзда въ деревню. Онъ былъ уже очень боленъ, и почти все время у него была лихорадка. Я знала, что онъ безнадеженъ, что онъ часто испытываетъ жестокія физическія страданія, но когда видѣла его, забывала это: онъ никогда не жаловался на свою болѣзнь и былъ такимъ милымъ и увлекательнымъ собесѣдникомъ, что вечера, проведенные у него, сохраняются въ моей памяти, какъ лучшія впечатлѣнія моей жизни. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ былъ именно такимъ, какимъ изображенъ на портретѣ, приложенномъ къ собранію его стихотвореній: въ бархатной курткѣ, съ длинными волосами и бородкой. Но портретъ далеко не передаетъ его болѣзненной и изящной красоты. Оживленный, съ лихорадочнымъ блескомъ прекрасныхъ темныхъ глазъ, милой улыбкой, привѣтливый,—онъ производилъ неотразимо-чарующее впечатлѣніе. Сердце разрывалось отъ боли при мысли, что этотъ очаровательный юноша—недолгій гость на землѣ.

Въ это время мой братъ Миша, офицеръ-артиллеристъ, женился и, видимо, увлеченный своей новой жизнью, не писалъ или рѣдко писалъ Надсону, такъ что онъ съ огорченіемъ шутилъ: «Ну, стоитъ ли имѣть друзей послѣ этого? разъ они женятся!» Свое расположеніе къ Мишѣ Надсонъ какъ бы перенесъ отчасти на меня, и я чувствовала, что онъ всегда радъ моему приходу. Я же горячо привязалась къ нему за это время и глубоко оцѣнила его удивительно благородную и изящную душу. Когда онъ уѣхалъ въ деревню, въ Подольскую губ., между нами завязалась переписка, изъ которой у меня сохранились слѣдующія два письма.

I.

«Ваше письмо ко мнѣ, дорогая Марья Александровна, было изъ тѣхъ, на которыя порядочные люди отвѣчаютъ немедленно; но я давно уже помирился съ мыслью, что самъ я вовсе не порядочный человѣкъ. По-

миритесь и вы съ ней и любите меня за другія достоинства; неужели только и свѣту въ окошкѣ, что аккуратность въ сношеніяхъ съ друзьями! Жизнь моя здѣсь имѣетъ діаметрально противоположный характеръ, чѣмъ ваша въ Петербургѣ: я ровно ничего не дѣлаю и, что еще хуже, ничего не хочу дѣлать. Усталъ ли я (отчего?), умеръ ли духомъ вслѣдствіе болѣзни тѣла—не умѣю сказать вамъ,—только ничто меня не привлекаетъ и не увлекаетъ; на вопросъ, какъ жить, я отвѣчаю себѣ: какънибудь, какъ проживется; на разные внутренніе порывы и просыпающуюся иногда потребность дѣла я говорю себѣ: «не то, все не то!» Брожу точно въ заколдованной странѣ и чувствую, что между мною и жизнью словно опустился какой-то туманъ: какія-то краски мелькаютъ въ немъ, какіе-то звуки изъ него слышатся, какіе-то призраки бродятъ, а стоитъ протянуть къ нимъ руки, и я обнимаю пустоту, и все расплывается и улетаетъ. И между тѣмъ я не скучаю и не хандрю, я просто ни во что не вѣрю,—не вѣрю въ серьезность, въ реальность жизни, считаю ее маревомъ, представленіемъ на «дѣтскомъ театрѣ» и какъ ни стараюсь пробудить въ себѣ то актерское увлеченіе, которое заставляетъ раскрашенную тряпку принимать за зеленую пальму, а себя, титулярнаго совѣтника Иванова, за испанскаго короля Фердинанда 148-го, никакъ не могу. Поэты бываютъ иногда слишкомъ мало поэтами, меньше, чѣмъ всѣ прочіе люди; у нихъ нехватаетъ воображенія, чтобы въ гниломъ туманѣ, окружающемъ ихъ, видѣть жизнь. Помилуйте, говорятъ они людямъ, вѣдь это туманъ, призраки, ложь! Вѣдь это все такъ, не серьезно... Какъ вы можете интересоваться этимъ, какъ вы можете считать это чѣмъ-то важнымъ?

«Боюсь, впрочемъ, что я слишкомъ ужъ много напустилъ туману,— хотя и философскаго, — но все-таки туману, и что вы, человѣкъ дѣла, меня не поймете. Впрочемъ, бѣда не велика. Обыкновенно письма пишутся для себя, а не для тѣхъ, кому они адресованы, а я себя очень хорошо понимаю. Во всякомъ случаѣ перехожу на реальную почву. Прежде всего, письмо это я пишу столько же вамъ, сколько и Мишѣ. Надѣюсь, что вы подѣлитесь съ нимъ мирно и что онъ не будетъ на меня въ претензіи, что я не отвѣчаю ему отдѣльно. Спасибо вамъ за ваше письмо, не за умную, а за сердечную его сторону; я люблю погрѣться въ лучахъ участія къ себѣ отъ лицъ, симпатичныхъ мнѣ настолько, насколько вы мнѣ симпатичны. А вы мнѣ очень симпатичны, какъ вамъ это хорошо извѣстно. Здѣсь мнѣ хорошо: меня любятъ, и Пащенко отличные люди. Иногда я бываю даже веселъ. Деревня зимой рѣшительно пришлась мнѣ по душѣ, и ея спокойствіе какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ моимъ душевнымъ настроеніемъ. Въ здоровьѣ моемъ рѣзкихъ перемѣнъ нѣтъ, муза моя спитъ и мнѣ самому очень не хочется будить ее. На что? Точно стихи—дѣло?

«Пишите мнѣ, если вамъ не лѣнь, а самъ я крѣпко жму вашу руку и лапу Миши и желаю вамъ душевнаго удовлетворенія.

«Искренно любящій васъ

С. Надсонъ».

На письмѣ нѣтъ даты. На штемпелѣ конверта—4 дек. 1885 г.

II.

«Милая Марья Александровна,—простите мнѣ рѣзкое слово,—но Миша поросенокъ! Какъ, уѣзжая въ Одессу, онъ проѣзжалъ черезъ Жмеринку, и не только не заѣхалъ ко мнѣ,—что было очень удобно сдѣлать,—но и просто не извѣстилъ меня! Нечего сказать,—благорродно! Я бы сердечно поблагодарилъ васъ за ваше милое письмо, — но, во-первыхъ,—это банально, а во-вторыхъ, это бы значило благодарить васъ за то, что вы хорошій человѣкъ. Но вѣдь вы хорошій человѣкъ для себя, а не для меня,—слѣдовательно: «не стоитъ благодарности». Вашу просьбу вспомнить о васъ, когда мы будемъ чокаться въ «Новый годъ», я исполнилъ и притомъ вслухъ. Всѣ мы выпили за васъ по рюмкѣ старой вишневки и пожелали вамъ всего хорошаго. Послѣднее, впрочемъ, излишне: я не могу себѣ представить человѣка счастливѣе васъ. Это не значитъ, что я воображаю, будто ваша жизнь катится какъ по маслу,—это значитъ, что я своеобразно понимаю счастье. Объ этомъ зрите въ моемъ стихотвореніи, которое явилось въ январской книжкѣ *Русской Мысли*. Вообще за послѣднее время я проявилъ довольно горячую литературную дѣятельность: послалъ два стихотворенія въ *Недѣлю*, одно въ *Русскую Мысль*, выпустилъ второе изданіе своей книжки и работаю теперь надъ одной вещью. Работаю, впрочемъ, довольно лѣниво,—не такъ, какъ вы. На-дняхъ отъ меня уѣхала М. В. [1]). Зайдите къ ней, если будетъ время. Кстати,—не окажете ли вы мнѣ услугу: мнѣ бы хотѣлось, чтобы моя книга, цѣна которой 1 р. 50 к., студентамъ и курсисткамъ продавалась по 1 р.,—а объявить этого въ газетахъ нельзя,—цензура не позволитъ. Поговорите съ М. В. и не откажите посодѣйствовать мнѣ въ этомъ—вѣдь вы на курсахъ—птица! [2]).

«Впрочемъ, все это не важно.

«Знаете, что я теперь дѣлаю по вечерамъ? Играю въ винтъ. Знаю, что это — позорнѣе самаго позора, но что прикажете дѣлать въ нашей глуши? Почта приходитъ разъ въ недѣлю, живого лица не видишь мѣсяцами, книги всѣ читаны и перечитаны, а вечера темны и длинны.

---

[1]) М. В. Ватсонъ.

[2]) По окончаніи курсовъ я была оставлена ассистенткой по каѳедрѣ зоологіи у проф. Н. П. Вагнера, извѣстнаго писателя (Котъ-Мурлыка) и редактора *Свѣта*, гдѣ Надсонъ помѣщалъ стихи.

«Здоровье мое—попрежнему: разрушаюсь понемногу, по всѣмъ правиламъ науки и по всѣмъ законамъ природы. Вотъ еще деспотъ, прости Господи, эта природа, которую вы съ такою любовью изучаете! Я жить хочу,—понимаете ли вы всю страсть, всю силу этихъ словъ «жить хочу»!—А ей, слѣпой природѣ, никакого дѣла до этого нѣтъ. Но это скучно и старо, а потому не распространяюсь.

«Что же вамъ написать еще? Вообразите себѣ, здѣсь рѣшительно не происходитъ никакихъ событій,—точно щедринская сторонка, въ которой «нравовъ и обычаевъ» не имѣется. Развѣ разсказать вамъ о томъ, что кіевскіе студенты, съ представителями которыхъ я тутъ познакомился, безъ ума отъ Цитовича, дѣлаютъ ему овацiи, приглашаютъ его на свои пирушки и цѣлуются съ нимъ. Когда я выразилъ одному изъ этихъ современныхъ героевъ мое удивленіе по этому поводу, онъ отвѣтилъ мнѣ, что Цитовичъ—украшеніе ихъ университета. Славное поколѣніе выдвигается на сцену, нечего сказать!

«Познакомился я тутъ съ разными мелкими мѣстными піитами, ни-въ одномъ ни на копейку искры Божьей и на первомъ планѣ—построчная плата! Читали вы отвѣтъ Аксакова на данное ему предостереженіе? Мнѣ говорили, что это замѣчательная вещь.

«А Вагнеръ своей послѣдней сказкой въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* не отличился—сбивчиво да и не художественно! Жаль сознаться,—но дарованіе его слабѣетъ, это несомнѣнно.

«Однако довольно. Дружески жму вашу руку. Да, вотъ еще что: я пишу вамъ не для того, чтобы считаться письмами, а потому, что мнѣ хочется вамъ писать. Не забывайте и вы меня. Только съ чего вы взяли, что я юноша? Я старикъ, давно старикъ. Мишѣ кланяйтесь и дайте прочесть это письмо. Я его не прошу писать,—пусть это будетъ дѣломъ его совѣсти. Прощайте.

Вашъ *С. Надсонъ*.

Числа не знаю, а мѣсяцъ январь 1886 г.

«Дайте мнѣ адресъ вашъ,—а то я принужденъ писать несообразности».

На конвертѣ этого письма штемпель: 21 января 1886 г.

Послѣднее наше свиданіе было въ Севастополѣ, когда Надсона везли въ Ялту. Я въ это время работала на Севастопольской біологической станціи; мнѣ дали телеграмму, и во время двухчасовой стоянки парохода я могла въ послѣдній разъ побесѣдовать съ дорогимъ мнѣ больнымъ. Онъ былъ уже очень слабъ, очень худъ, очень страдалъ, по словамъ сопровождавшей его М. В. Ватсонъ, но оставался все тѣмъ же обаятельнымъ собесѣдникомъ. Онъ шутилъ, что, такъ какъ морской воздухъ ему полезенъ, то хорошо бы устроиться небольшимъ тѣснымъ

кружкомъ на собственномъ пароходѣ и вѣчно плавать по морю—можно и читать, и печатать тутъ же. Онъ шутилъ, а я прекрасно понимала, что вижу его въ послѣдній разъ (такъ какъ должна была возвращаться въ Петербургъ), и едва сдерживала слезы. Я знала, что его ждутъ физическія страданія, смерть, но не могла подозрѣвать, что ему придется еще вынести нравственную пытку—исторію съ Буренинымъ. Если Надсонъ и знакомство мое съ нимъ—исключительно свѣтлое явленіе въ моей жизни, то поступокъ Буренина—одно изъ самыхъ возмутительныхъ проявленій жизненной грязи и злобы, которыя мнѣ пришлось видѣть.

Въ январѣ 1887 года мы съ Мишей проводили Надсона въ могилу.

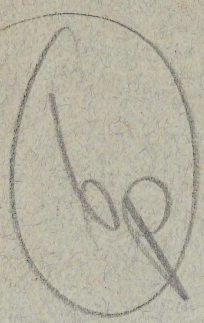
Считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о судьбѣ моего брата Миши, жизнь котораго такъ тѣсно была связана съ жизнью Надсона въ началѣ ихъ литературнаго поприща.

Миша всецѣло отдался военному дѣлу, кончилъ двѣ академіи, артиллерійскую и генеральнаго штаба, читалъ лекціи въ юнкерскомъ училищѣ въ Москвѣ, былъ на русско-японской войнѣ, откуда писалъ корреспонденціи въ газету *Русское Слово;* писалъ въ *Развѣдчикѣ,* гдѣ между прочимъ помѣстилъ описаніе своего путешествія по Японіи послѣ войны, написалъ учебники тактики и военной исторіи, переводилъ (между прочимъ, перевелъ вмѣстѣ съ товарищемъ: *Аръ Роэ.* «Мой русскій полкъ». *Art-Roë.* «Mon régiment russe». Съ французскаго М. Р. и В. М. Москва, типографія Вильде, 1900 г.), послѣднее время командовалъ полкомъ. И въ то же время часто писалъ стихи, чаще всего шутливые, для семейнаго круга, но иногда и серьезные, оригинальные и переводные, хотя не печаталъ ихъ, несмотря на всѣ просьбы друзей. Послѣднимъ его стихотвореніемъ былъ переводъ прекрасной баллады Эдгара Поэ—«Аннабель Ли», навѣянный тяжкой болѣзнью моей юной, рано угасшей дочери. Братъ мой внезапно умеръ 20 марта 1910 г., 47 лѣтъ, только что произведенный въ генералы, въ самомъ разгарѣ своей блестящей военной карьеры.

Надсонъ любилъ моего брата и до конца своей жизни переписывался съ нимъ. Отрывокъ изъ его письма къ Мишѣ приведенъ въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ собранію стихотвореній Надсона на страницѣ LXV, гдѣ онъ названъ литерами М. А. Р.

М. А. Россійская-Кожевникова.

3-
531671/VIII 76



UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00023752164